

Я.И. ВАСЛАВСКИЙ*

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВЫБОР: КОНТУРЫ ПОСТКОРОНАВИРУСНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. Коронавирусная пандемия обнажила фундаментальные проблемы функционирования национальных социумов. Кроме того, она предопределила возрастающую значимость политико-экономических подходов к трактовке основных принципов функционирования будущей посткоронавирусной реальности. Социетальный кризис, явившийся следствием неэффективности государства в предотвращении экстремальных угроз жизни и здоровью граждан типа COVID-19, актуализировал проблему «new normal», которую сегодня активно обсуждают эксперты международных исследовательских и практических организаций. Посткоронавирусная реальность начнет формироваться по окончании пандемии COVID-19 и будет строиться на иных принципах функционирования. Автор трактует ее в контексте восстановления социетальной целостности национальных сообществ при следующих условиях: (1) переориентации формальных институтов в руках государства на приоритет человекоцентристских принципов для целей восстановления общественного консенсуса, доверия к государству и его политике; (2) агрегирования общественного выбора с учетом, в первую очередь, предпочтений и ценностей домашних хозяйств (простых граждан), что позволит минимизировать его искажения впредь; (3) возвышения экспертных функций государства на примере адекватной институционализации условий для устранения негативных последствий социетального кризиса. Автор обосновывает целесообразность переосмысления феномена партнерства государства и частного бизнеса с учетом реалий посткоронавирусного мира. В качестве апробации полученных результатов обосновывается модель «институциональной матрицы», которую можно использовать для институционализации взаимовыгодного парт-

* **Ваславский Ян Ильич**, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: vaslavsky@yandex.ru

нерства государства и частного бизнеса в целях минимизации неопределенности посткоронавирусной реальности («new normal»).

Ключевые слова: постковидное будущее; формальные институты; пандемия и кризис; агрегирование общественного выбора; государственно-частное партнерство; инфраструктурные проекты.

Для цитирования: Ваславский Я.И. Государство и общественный выбор: Контуры посткоронавирусной реальности // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 42–72. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.02>

Введение

Быстрое распространение COVID-19, смертельно опасного для жизни людей, послужило базой проверки на прочность сложившихся социальных устоев, а также качества взаимодействия индивидов и общества, граждан и государства. Своеобразие кризисов, вызванных пандемией COVID-19, было обусловлено действиями государств, не позволившими экстренно выявить «нулевого» носителя коронавирусной инфекции и разрушившими структурную общность социума и экономики введением режима локдауна. Тяжесть такого испытания, выпавшая на плечи индивидов по мере разрушения их благосостояния и изменения устоявшегося образа жизни, обернулась переоценкой роли государства и общества в обеспечении стабильности домашних хозяйств. Наиболее яркой демонстрацией таких индивидуальных переоценок является соблюдение гражданами режима самоизоляции как функции их доверия к действиям своего государства и индивидуального желания следовать чрезвычайным нормам общественного поведения, введенным в связи с пандемией COVID-19. Это объяснялось тем, что практически повсеместно национальные системы здравоохранения оказались не в состоянии быстро адаптироваться к экстремальным условиям борьбы с неизвестной инфекцией, угрожающей жизни людей. Высокая смертность от коронавируса COVID-19 вызвала массу вопросов к институту государства, важнейшей функцией которого является защита жизни и здоровья своих граждан. Пандемия продемонстрировала недостаточную эффективность формальных институтов, созданных государством для обеспечения эффективного взаимодействия между обществом и государством, индивидом и обществом, гражданином и государством.

Так, коронавирус обнажил главную «пружину» современных социумов, которая не смогла демпфировать последствия неожиданно возникшей инфекции, опасной для жизни человека, и вызвала социетальный кризис как структурное разобщение национальных социумов. Оценки специалистов показали, что социальный и экономический локдауны, нацеленные на то, чтобы остановить экспоненциальный рост заболевших коронавирусом в различных странах мира, вызвал беспрецедентные потери как в показателях человеческих жизней, так и национального благосостояния. При этом COVID-19 доказал приоритетность социальных проблем, которые к тому же усугубились падением объемов материального производства в мире, определив соподчиненность функций государства: сначала стабилизировать эпидемиологическую ситуацию в стране, и только затем не упустить время для своевременного открытия (запуска) экономики после локдауна. Этот новейший дуализм в действиях государства специалисты «Бостон Консалтинг Групп» (БКГ) выразили термином «эпиномикс»¹. В эпиномической политике подчеркивается первостепенность обеспечения здоровья и жизни граждан, что является безусловным фактором возможности успешно возродить экономику. Причем специфика первой проблемы связана с тем, что вместе с физическим здоровьем граждан в контексте выравнивания эпидемиологической обстановки в стране, пожалуй, важнейшим для государств становится устранение негативных последствий социетального кризиса. Во втором случае речь идет о механизмах социализации индивидов в структуру социума.

Сокращение масштабов неопределенности посткоронавирусной реальности во многом связано с созданием более инклюзивной социетальной среды, что предопределяет изменение практики агрегирования государством общественного выбора. Причем этот вопрос имеет как теоретическую подоплеку, так и множество проблем прикладного плана, поскольку в прошлом отсутствуют «лучшие практики» поведения государств в аналогичных с COVID-19 ситуациях. А с точки зрения стратегических целей прогресса социальных сообществ в посткоронавирусном будущем

¹ Three paths to the future. Boston Consulting Group Analysis / M. Gjaja, R. Hutchinson, A. Farber, A. Brimmer, D. Kahn. – 2020. – May 27. – Mode of access: <https://futurist.gr/three-paths-to-the-future-by-marin-gjaja-rich-hutchinson-adam-farber-amanda-brimmer-and-dan-kahn/> (accessed: 02.12.2020).

важнейшим стало восстановление их социетальной целостности как объективного условия быстрого восстановления экономики после локдауна и адекватного приемлемого сценария развития событий как формы общественного выбора в период второй и возможной третьей волны пандемии коронавируса. Об этом идет речь в обновленной стратегии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) от 14 апреля 2020 г.: «Национальные правительства должны перепрофилировать и задействовать весь имеющийся потенциал государственного, общественного и частного секторов для быстрого расширения системы общественного здравоохранения». Речь идет о восстановлении социетального единства посредством учета ценностных предпочтений граждан в обществе и реализации этой социальной консолидации в общественном выборе, агрегированном государством.

Практически все эксперты признают, что после пандемии COVID-19 глобальный мир станет другим, но в нем останутся и граждане, и общество, и социетальный кризис, который должен быть устранен государством как непереносимое условие дальнейшего социально-экономического прогресса. В связи с этим особую значимость приобретает институциональный аспект механизма вмешательства государства в социум и экономику. Это обусловлено тем, что именно формальные институты в руках государства могут стать эффективным инструментом восстановления социетальной целостности национальных сообществ. И в данном случае речь идет не о механизме наказания, интегрируемого в структуру формальных институтов, а о приоритете механизма институционализации значимых норм поведения граждан в обществе. Это, в свою очередь, невозможно без восстановления социетального единства общества, доверия индивидов к своему государству.

Именно в таком контексте наиболее приемлемой платформой для апробации государством новых институциональных механизмов разрешения социетального кризиса может стать государственно-частное партнерство (ГЧП). Это обусловлено тем, что ГЧП опосредует социальное взаимодействие государства с частным инвестором в сфере реализации общественно значимых проектов, например, в инфраструктуре. А все заинтересованные участники этих инфраструктурных проектов в случае успеха будут трансформировать этот положительный результат через структурные взаимосвязи в общество: через инвесторов, работников, их род-

ных, работодателей, всех участников ГЧП и местных сообществ. Поскольку до COVID-19 государства в основном не могли похвастаться большими успехами в развитии ГЧП-проектов, и формальные институты в руках государства во многом тормозили расширение практики ГЧП, теперь государство получает второй шанс, который позволяет закрепить его в общественном выборе. Причем на повестке дня стоит сложнейшая проблема восстановления социальной целостности, от которой зависит социальноэкономическая динамика локальных сообществ в постковидном будущем.

Государство в перекрестье проблем, вызванных COVID-19

Государства и правительства были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам борьбы с COVID-19. Речь идет о режиме самоизоляции для граждан, а также о частичном или полном блокировании функционирования экономических и финансовых систем на национальном уровне. Гита Гопинат, экономический советник и директор исследовательского департамента МВФ, определила глобальный экономический кризис 2020 г. как «Великий локдаун», как следствие «Великой самоизоляции» или «Великого карантина»¹. По мнению Р. Дж. Сакса², сложившаяся ситуация ассоциируется с экономической катастрофой, порожденной самим обществом в результате политических мер, нацеленных на борьбу с распространением COVID-19.

С одной стороны, свои главные претензии в связи с пандемией коронавируса, социальными и экономическими последствиями локдаунов граждане предъявляют государству: именно его обвиняют во всех бедах³. Однако, с другой стороны, основные

¹ IMF The Great Lockdown. World Economic Outlook. – Washington D.C. : IMF, 2020. – 159 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed: 02.12.2020).

² How will the world be different after COVID-19? // Finance&Development. A Quarterly Publication of the IMF. – 2020. – June., Vol. 57, N 2. – P. 26–27. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf> (accessed: 02.12.2020).

³ Korchakova-Heeb N. We Are Building An Airplane While Flying It. WAPPP, CP3 P. 3 rd Co-Webinar: PPP and COVID-19. – 2020. – April 29. – P. 12. – Mode of access: <https://apmg-international.com/events/ppp-and-covid-19> (accessed: 09.03.2021).

чаяния граждан вернуть свое прежнее материальное положение, а часто и социальный статус, также связаны с государством. Эксперты «Бостон Консалтинг Групп» полагают, что граждане хотят верить в светлое будущее. Руководители компаний будут с радостью поддерживать любые признаки намечающегося долгосрочного роста, частные инвесторы также не являются исключением¹. Получается, что последней инстанцией оказалось государство, которое в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств вынуждено нести все финансовые расходы в связи с экономическим локдауном, оказывать социальную и материальную помощь пострадавшим домашним хозяйствам, а также поддерживать фискальными и монетарными инструментами частный бизнес, деятельность которого частично или полностью прекращена. Все это происходит на фоне экономической рецессии, вызванной пандемией COVID-19, которая принимает беспрецедентные масштабы, значительно превосходящие экономические потери из-за глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. (рис. 1).

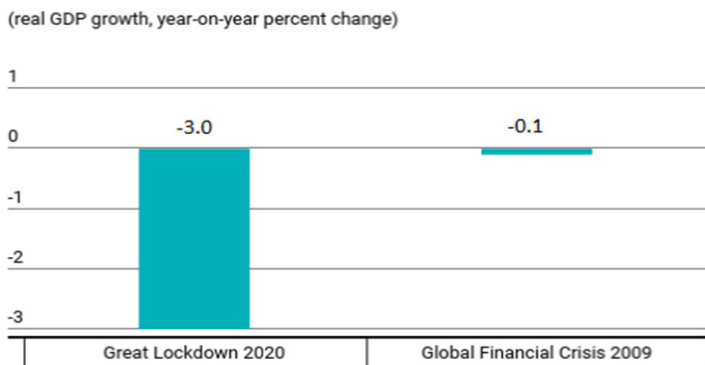

Рис. 1.

Падение реального ВВП в условиях «Великой самоизоляции» 2020 г. и глобального финансового кризиса 2007–2009 гг.²

¹ Beyond the Curve. How Governments Can Galvanize their Nations for the Rebound. BCG / Ch. Schwaerzler, G. Henderon, J. Patel, M. Manetti, V. Chin, M. Rathore, M. Mahmoudi, D. Osman. – 2020. – May. – Mode of access: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/three-government-priorities-for-rebuilding-post-covid> (accessed: 02.12.2020).

² IMF. World Economic Outlook. – 2020. – April 14.

В результате пандемии COVID-19 общие потери глобального ВВП в 2020 и 2021 гг. предварительно оцениваются в 9 трлн долларов США, что равноценно суммарному ВВП Японии и Германии, вместе взятых. Впервые со времен Великой депрессии экономический спад коснется всех стран мира: с развитой экономикой, с формирующимся рынком и развивающихся (рис. 2).

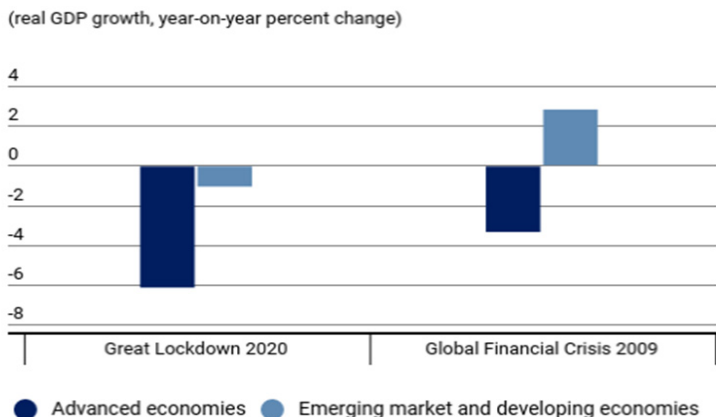

Рис. 2.

**Экономическая рецессия всех стран мира в 2020 г.
в сравнении с глобальным финансовым кризисом
2007–2009 гг.¹**

Необходимо отметить, что в данном прогнозе МВФ содержится расчет на то, что в конце 2020 г. удастся избежать второй волны пандемии. Однако в связи с нею глобальный ВВП сократится еще больше: на 3% дополнительно в 2020 г. Если же пандемия COVID-19 продолжится и в 2021 г., то падение глобального ВВП увеличится еще на 8% по сравнению с базисным сценарием МВФ в апреле 2020 г.

Все это происходит на фоне беспрецедентного количества заболевших и умерших от COVID-19 в результате первой и второй волн пандемии в различных странах мира (рис. 3).

¹ IMF, World Economic Outlook. – 2020. – April 14.

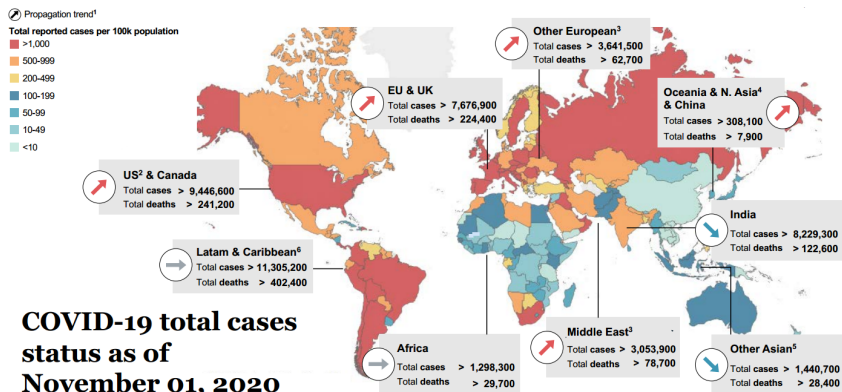

Рис. 3.
Общее количество заболевших и умерших от COVID-19
по состоянию на 01.11.2020¹

Кроме того, по приблизительным оценкам В. Гаспара и Г. Гопинат², в 2020 г. суверенный долг государств мира составит 101,5% глобального ВВП. Это самый высокий показатель за всю историю, который превосходит даже пик после Второй мировой войны. В результате практически все страны мира одновременно или в определенной последовательности друг за другом столкнулись с многочисленными кризисами: в здравоохранении, в государственных и частных финансах, в макроэкономике. Кризисную ситуацию усугубил обвал биржевых цен, разногласия основных экспортеров энергетического сырья, рост безработицы, падение доходов населения и т.п.

¹ McKinsey & Company. COVID-19: Briefing materials. Global health and crisis response. – 2020. – Updated: October 30.

² Gaspar V., Gopinath G. Fiscal Policies for a Transformed World. IMF Blog Insights & Analyses on Economics & Finance. – 2020. – July 10. – Mode of access: <https://blogs.imf.org/2020/07/10/fiscal-policies-for-a-transformed-world/> (accessed: 02.12.2020).

Государство и общественный выбор: развитие социального кризиса

В центре всех кризисных явлений, вызванных пандемией COVID-19, оказался социетальный кризис. Во многом его значимость предопределена тем, что он остановил социально-экономический прогресс. На 09.03.2021 количество инфицированных коронавирусом превысило 117 млн человек, из них со смертельным исходом – более 2,6 млн¹. Целые сегменты экономики прекратили функционировать или близки к этому состоянию. Большинство государств созданы и поддерживаются системы общественного здравоохранения, не способные работать на опережение в случае появления любой опасной для человечества инфекции. Это стало очевидным, когда не были выявлены «нулевые» зараженные коронавирусом, что привело к пандемии COVID-19 с ее первой, второй и потенциально – третьей волнами. Неспособность национальных правительств быстро купировать распространение COVID-19 повергло страны мира в кризис, которому не было прецедентов в истории. По данным на июнь 2020 г., правительства и международные организации потратили почти 9 трлн долларов США на борьбу с последствиями пандемии коронавируса². Однако пока положительных результатов не наблюдается, что заставляет специалистов констатировать вероятность «Великого торможения» (Great Deceleration) в будущем и реальность структурного экономического кризиса. Во многом это предопределено неспособностью государств мира адекватно выполнять свою главную функцию – защищать здоровье граждан в условиях растущей угрозы их жизни, используя для этого высокоэффективную национальную систему здравоохранения³ (табл.). В результате к концу

¹ COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. – 2021. – March 9. – Mode of access: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed: 09.03.2021).

² The Future of Nature and Business. New Nature Economy : Report II // World Economic Forum. – 2020. – July. – Mode of access: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Future_Of_Nature_And_Business_2020.pdf (accessed: 02.12.2020).

³ From great lockdown to great transformation. IMF Managing Director's Opening Remarks US Chamber of Commerce Kristalina Georgieva. – 2020. – June 9. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/06/09/sp060920-from-great-lockdown-to-great-transformation> (accessed: 02.12.2020).

2020 г. 170 стран, или почти 90% всего мира, пострадали от пандемии, продемонстрировав значительное падение доходов на душу населения. Все сказанное выше является демонстрацией неадекватного агрегирования государствами общественного выбора в своих странах. При этом следует особо заметить, что деятельность государства, включая и общественный выбор, осуществляется на деньги налогоплательщиков, а точнее, за счет значительной доли национального дохода, перечисляемого налогоплательщиками в доходы национальных бюджетов.

Таблица

Оценка готовности некоторых национальных систем здравоохранения к пандемии COVID-19 на 08.04.2020¹

		Заразилось Covid-19, тыс. чел. (на 08.04.20)	Умерло от Covid-19, от числа заболевших	Врачей, на 100 тыс. населения	Коек, на 100 тыс. населения	Коек интенсивной терапии, на 100 тыс. населения
	Россия	10	1%	479	797	8
	США	396	3%	280	277	35
	Испания	142	10%	390	297	10
	Италия	136	13%	400	318	13
	Германия	108	2%	430	800	29
	Франция	109	9%	320	598	12
	Китай	82	4%	200	434	4
	Иран	63	6%	н/д	150	н/д
	Великобритания	56	11%	260	254	7

После блокирования экономики и введения режима социального дистанцирования (economic and social lockdowns) домашние хозяйства оказались в изоляции лицом к лицу со своими текущими проблемами, связанными с возможной потерей работы, материального достатка семей и т.п. Все это заставило граждан переосмыслить свои индивидуальные ценности, сопоставить их с общественными нормами в социуме, увидеть неспособность национальных правительств защищать их жизнь, поддерживать их

¹ ВОЗ, ООН, ОЭСР, IPSOS, Институт Джона Хопкинса, Ведомости, 16.04.2020.

социальный статус и обеспечивать стабильное будущее для их семей. Естественно, что индивидуальные стратегии поведения граждан начали корректироваться в сторону индивидуальных ценностей, даже если они вступают в конфликт с общепринятыми нормами поведения в отдельных социумах. Именно в этом контексте эксперты «Бостон Консалтинг Групп» оценили последствия пандемии COVID-19, прежде всего, как социальный кризис¹.

Обеспечение целостности социума относится к первостепенной цели государства, поскольку является фундаментом устойчивости общества. Именно такой итог достигается при адекватном агрегировании государством общественного выбора (из множества индивидуальных ценностей). Внешне это проявляется в доминировании общественно значимых норм поведения в сравнении с индивидуальными склонностями, в лояльности (доверии) к государству и его действиям, особенно в экстремальных ситуациях типа пандемии COVID-19. Однако пандемия коронавируса обнажила верхушку айсберга, представляющего социум в процессе разрушения его целостности. Это проявляется сегодня в усилении антиобщественных выступлений граждан во многих странах мира как реакции фактически на любые действия государства, направленные на борьбу со второй волной пандемии. Когда социетальная целостность нарушена, государство вынуждено использовать формальные институты в борьбе с социетальным кризисом. Причем в данном случае речь идет об их функции служить механизмом наказания граждан за оппортунизм в отношении действий национальных правительств против пандемии. В результате доверие между гражданами, обществом и государством, агрегирующим общественный выбор от имени социума, еще более разрушается.

¹ BCG Perspectives. COVID-19 Facts, scenarios, and actions for leaders. Version 2.2. BCG. – 2020. – April 20. – P. 2. – Mode of access: <https://media-publications.bcg.com/BCG-COVID-19-BCG-Perspectives-Version2.pdf> (accessed: 02.12.2020).

Формальные институты и устранение последствий социетального кризиса, вызванного пандемией коронавируса

Задолго до пандемии COVID-19 представители теории государства выясняли причины недостаточной эффективности его деятельности в национальных социально-экономических системах. В качестве основной они обосновывали неадекватность распределения бюджетных расходов между тремя основными группами функций государства. В. Танци [Tanzi, 2011, p. 53] назвал проблеме выбора «триадой Масгрейва» по имени известного экономиста [Musgrave, 1988]. Фактически в этом же контексте трактовалась и проблема общественного выбора государством. Сам выбор был представлен с помощью модели треугольника, каждая из сторон которого ассоциировалась с тремя фундаментальными функциями государства: (1) эффективным распределением ресурсов, (2) обеспечением равенства в перераспределении доходов (социальная справедливость) и (3) стабилизацией экономики (экономическая эффективность). Бюджетные ограничения не позволяли государству в полном объеме финансировать все группы бюджетных расходов. В связи с этим государство должно было всегда делать выбор в пользу двух, наиболее перспективных, с его точки зрения, групп общественных благ и услуг. В основе «триады Масгрейва» находится корень современного социетального кризиса, а также причины неадекватного агрегирования государством общественного выбора. Во многом это предопределено противоречивостью самого феномена государства, которое, с одной стороны, выступает в качестве субъекта управления, а с другой – как объект собственного регулирования. Как представитель общества, выражающий его интересы и действующий в его интересах и за его счет, государство не имеет собственных предпочтений и своими действиями призвано максимизировать общественное благополучие [Нуреев, 2005; Acemoglu, 2012; Заостровцев, 2014; Musgrave, 1988; North, 1982; Arrow, 1970; Эрроу, 2004]. Но как хозяйствующий субъект государство преследует вполне определенные интересы той структуры, которая осуществляет свою деятельность за счет бюджетных средств. А учитывая значительные финансовые ресурсы общества, перераспределяемые посредством бюджетов государства для целей финансирования производства социально значимых благ и услуг, становятся очевидными мотивы государства и роль финан-

совых институтов, которые используются для достижения целей, зачастую расходящихся с общественными предпочтениями [Ziolo, 2020, p. 175–200]. В этом контексте можно понять причины современного социетального кризиса, который был вызван пандемией COVID-19 и который усугубился экономическим локдауном, введенным государствами стран мира для предотвращения быстрого распространения инфекции.

В условиях социетального кризиса первостепенную значимость приобретает институциональный аспект неэффективности действий государства в социально-экономической системе. Другими словами, ответы на вопросы о недостаточной эффективности государства следует искать в диалектике формальных институтов в качестве механизмов стимулирования хозяйствующих субъектов соблюдать нормы поведения, принятые в обществе, и технологии наказания за оппортунистическое поведение участников транзакций обмена [North, 1982; Норт, 1997]. Если частный бизнес и хозяйствующие субъекты разделяют ценности общества и едины с ним, то значимость формальных институтов в качестве механизмов наказания минимизируется. Если же единство социума нарушено, то государство применяет формальные институты как механизм наказания за оппортунистическое поведение субъектов общества [Радыгин, Симачев, Энтов, 2015, с. 45–79]. В этом случае неэффективность государства в глазах граждан максимизируется, и они теряют к нему доверие. Именно в таком качестве формальные институты способствуют углублению социетального кризиса сегодня, что во многом и обуславливает низкую эффективность любых действий государства.

Другими словами, в начале 2020 г. стало очевидным, что самым болезненным проявлением социетального кризиса стало отсутствие солидарной поддержки гражданами мер своих правительств, связанных с введением режимов самоизоляции¹. В результате пандемии граждане стали придавать большее значение той несправедливости, неравенству, которые были вызваны действиями государства в национальных сообществах. Р.Дж. Сакс отмечает, что если раньше люди не замечали этих ошибок в дей-

¹ IMF The Great Lockdown. World Economic Outlook. – Washington D.C.: IMF, 2020. – 159 p. – Mode of access: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020> (accessed: 02.12.2020).

ствиях государства, то сейчас им стало трудно их не заметить¹. В связи с этим именно формальные институты могут стать эффективным средством укрепления единства социума и координации индивидуальных предпочтений и ценностей общества, что позволит государству снизить остроту социетального кризиса [Alchian, 1984, p. 34–49].

Государственно-частное партнерство: апробация государством формальных институтов для восстановления единства социума в посткоронавирусном будущем

Несмотря на разрушительное воздействие пандемии коронавируса, она несет и положительный посыл к теоретическому переосмыслению и реализации того огромного потенциала развития, который заложен в обществе, в формальных институтах государства, в консолидированных ценностях индивидуумов и социума. Но для этого государство должно подумать о посткоронавирусной реальности, т.е. представить истинные причины социетального кризиса и оптимизировать формальные институты для его скорейшего разрешения. По мнению экспертов БКГ, те, кто эффективно преодолел текущий социетальный кризис, будут готовы успешно строить будущую реальность². Для этих целей следует поставить во главу угла необходимость разработки политических решений в отношении социетального кризиса уже в конце второй волны пандемии COVID-19.

Во-первых, следует учесть специфику формальных институтов, которые опосредуют диалектику взаимодействия механизмов реализации общественно значимых норм поведения, с одной стороны, и наказания за их нарушение – с другой. Во-вторых, большое значение имеет осознание государством фено-

¹ How will the world be different after COVID-19? // Finance & Development. A Quarterly Publication of the IMF. – 2020. – June, Vol. 57, N 2. – P. 26–27. – Mode of access: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/how-will-the-world-be-different-after-COVID-19.pdf> (accessed: 02.12.2020).

² Start Reimagining Government Now / M. Carrasco, P. Chandran, V. Chin, P. Hayden, L. Hoteit, S. Subudhi, D. Werfe. – Boston Consulting Group., 2020. – May. – Mode of access: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/start-reimagining-government-now> (accessed: 02.12.2020).

мена целостности общества в качестве ключевого в любых условиях, включая чрезвычайную ситуацию с COVID-19, и понимание того, что ее достижение возможно только при доминировании первого из двух механизмов институционализации структурных связей в национальных сообществах. Именно эти положения могли бы учитываться государством при принятии политических решений в социально-экономической сфере. Однако эти решения будут иметь эффект с лагом во времени, поскольку им должно предшествовать осознание государством объективной необходимости пересмотра своей роли в институционализации структурных связей в обществе. Чтобы эффект был достигнут, целесообразно сделать упор на созидательные (а не разрушительные) возможности формальных институтов. Прежде всего, речь идет об адекватности оценки индивидуальных ценностей граждан в составе их семей, а также как членов общества, как работников фирм, как активных участников социальных общений, как избирателей и т.п. Ограничившись доминирующими индивидуальными приоритетами, государство должно понять причины их расхождений в понимании гражданами, обществом и государством, а также дать экспертную оценку набору действий государства и специфическим характеристикам формальных институтов, которые вызовут расширение сферы совпадения индивидуальных и общественно значимых предпочтений. И это еще не все, поскольку малейшая ошибка чревата значительными социальными и экономическими потерями. Смоделированные государством формальные институты должны быть опробованы в системно значимой сфере. И только в случае успеха – восстановления лояльности граждан к политике национальных правительств – можно внедрять их широкомасштабно, ориентируясь на успешное разрешение социального кризиса, вызванного пандемией коронавируса, и на успешное структурирование будущей социальной реальности [Vaslavskiy, 2020].

Наиболее успешной формой воплощения вышеперечисленных сдвигов в деятельности государства может стать ГЧП в решении социально значимых программ. В случае социального кризиса политики должны поставить общее благо выше собственных интересов и активно использовать те бизнес-платформы, которые позволят по-новому формализовать функ-

ционирование общества¹. Партнерство государства и частного бизнеса очень перспективно с точки зрения устранения перво-причины современного социального кризиса, поскольку строится на совпадении интересов, предпочтений и ценностей партнеров по социально значимым проектам. Кроме того, ГЧП, как правило, опосредует реализацию долгосрочных, капиталоемких проектов, которые приносят выгоды всему обществу. Это означает, что реализацию ГЧП-проектов сопровождает большое количество участников, которые в равной степени заинтересованы в их успехе и будут транслировать проявление социального единства в различные слои общества.

При этом экономический аспект реализации ГЧП трудно переоценить. Перед пандемией COVID-19 функционирующая инфраструктура различных стран мира едва справлялась со спросом на нее. Что же касается постковидного будущего, то при пролонгации инфраструктурных ГЧП-проектов и инфляции финансовых затрат в период пандемии проблемы будут только усугубляться. В конце 2010-х годов в мире ежегодно инвестировалось около 2,5 трлн долларов США в транспортную инфраструктуру, энергетику, водоснабжение и в телекоммуникационную инфраструктуру. Однако этого недостаточно, поскольку потребности в таких инвестициях растут гораздо быстрее. В соответствии с подготовленным в 2013 г. Глобальным институтом Маккинзи отчетом², миру необходимы ежегодные инвестиции в инфраструктуру в среднем на уровне 3,3 трлн долларов только для того, чтобы обеспечить запланированные темпы ее роста (рис. 4). Причем на страны с развивающимися рынками приходится около 60% всех этих затрат.

¹ Reeves M., Kell G., Hassan F. The Case for Corporate Statesmanship / The Boston Consulting Group. Henderson Institute. – 2018. – Mode of access: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2018/case-corporate-statesmanship> (accessed: 02.12.2020).

² Infrastructure productivity: How to save \$1 trillion a year. – N.Y : McKinsey Global Institute, 2013. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/infrastructure-productivity#> (accessed: 02.12.2020).

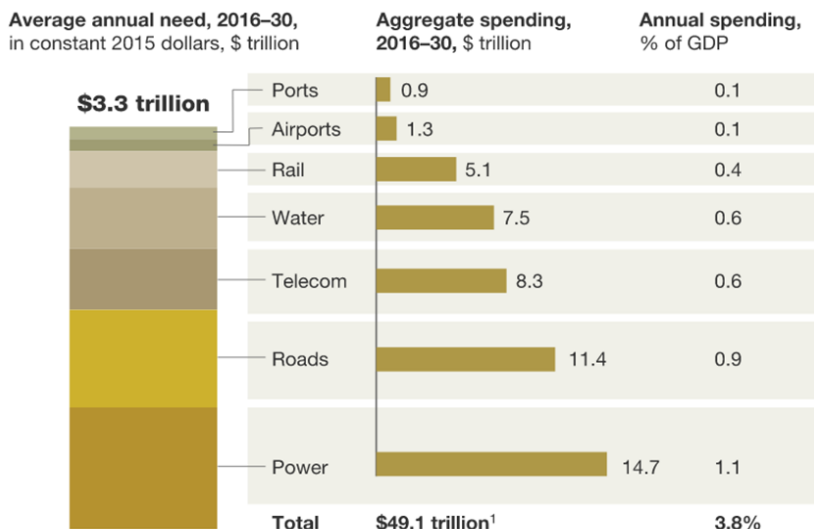

Рис. 4.

**Динамика глобальных потребностей в инвестициях
в экономическую инфраструктуру за период 2016–2030 гг.¹**

Несмотря на необходимость модернизации инфраструктуры и огромную значимость развития ее магистральных систем, доля в ВВП инвестиционных вложений в инфраструктурные проекты 11 стран из группы G20 после глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. фактически сократилась. Речь идет о ЕС, США, России и Мексике. Напротив, в Канаде, Турции и ЮАР капиталовложения в инфраструктуру возросли. Если наметившаяся тенденция недофинансирования инфраструктуры сохранится и в будущем, то в глобальных масштабах страны будут ежегодно терять приблизительно 11% всех капиталовложений, что составляет \$350 млрд в год. Если учесть поставленные ООН Цели устойчивого роста, которые должны быть достигнуты к 2030 г., то для ликвидации отставания от плановых показателей по инфраструктуре потребуются втрое больше инвестиций, нежели в настоящее время. Однако это

¹ Infrastructure productivity: How to save \$1 trillion a year. – N.Y. : McKinsey Global Institute, 2013. – Mode of access: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/infrastructure-productivity#> (accessed: 02.12.2020).

очень проблематично, учитывая прогнозируемое падение глобальной экономики в результате пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. [Well spent ..., 2020].

Тем не менее для конструирования посткоронавирусной реальности очень перспективными кажутся ГЧП-проекты в различных сферах социально значимой инфраструктуры. И хотя на рынке присутствуют инвесторы, готовые вложиться в них на платформе ГЧП, в сложившихся условиях значительное количество инфраструктурных проектов могут не увидеть в ближайшее время финансирования ни со стороны государства, ни со стороны корпоративного инвестора. А между тем в условиях растущих бюджетных ограничений государства могли бы увеличить количество ГЧП-проектов, используя механизм формальных институтов в плане увеличения платежей с пользователей общественной инфраструктуры, оптимизации рентных платежей, продажи активов в государственной собственности, а также переориентации выручки в новые инфраструктурные проекты. Кроме того, можно было бы привести в соответствие стандарты бюджетной и корпоративной бухгалтерской отчетности, что позволит учитывать амортизацию инфраструктурных активов в течение всего их жизненного цикла, а не увеличивать дефицитность проекта в период его строительства. Эти действия могли бы изменить проциклический характер поведения государственных инвесторов.

Проблема развития ГЧП-проектов в различных странах мира имеет качественную подоплеку, связанную с состоянием формальных институтов, созданных государством для обеспечения этого направления расходования бюджетных средств [Vaslavskiy, Vaslavskaya, 2019, p. 199–228]. Речь идет об институционализации финансового рынка, которая должна обеспечить их адекватное функционирование в качестве посредников при трансформации финансовых активов в инфраструктурные инвестиции; о самой важной стадии реализации инфраструктурных ГЧП-проектов – их финансировании. Если финансовый рынок и банковская система неспособны это сделать, то главная нагрузка ляжет на государство, которое вынуждено будет взвалить на себя основную долю бремени инвестирования в инфраструктурные ГЧП-проекты. Однако значительные бюджетные ограничения практически всех национальных правительств должны заставить их сократить бюджетные расходы на инвестиционные проекты и

реализовать их замещение в отношениях с частными инвесторами своей институциональной поддержкой. Государство должно пойти на моделирование таких формальных институтов, которые способны были бы обеспечить адекватное обращение долговых финансовых обязательств по поводу реализации инфраструктурных проектов на финансовом рынке [Варнавский, 2012, с. 33; Зедина, 2014, с. 93]. Другими словами, в современных условиях растущих бюджетных ограничений государство должно обеспечить формальными институтами эффективное функционирование сегмента долгового финансирования под публичные инфраструктурные ГЧП-проекты, институционализировать соответствующий инструмент опосредования отношений между участниками гибридных соглашений в форме ГЧП-проектов, например инфраструктурные облигации, определить возможность участия в пуле инвесторов для институциональных игроков и инвесторов и т.п. [Ваславский, Ваславская, 2019].

Спрос на профессионально подготовленные инфраструктурные проекты на основе ГЧП существует и является значительным, как отмечается и наличие потенциальных инвесторов, которые могли бы вложиться в них [Vaslavskaya, 2020]. Потенциал предложения инфраструктурных проектов – фактически безграничный, учитывая неадекватное состояние инфраструктурных объектов и большой спрос на современные их структуры с учетом требований Четвертой технологической революции. В то же время широко-масштабного развития проектов не происходит. По мнению автора, помимо экономического локдауна и сокращения фискальных возможностей национальных государств причина торможения реализации инфраструктурных ГЧП-проектов кроется в отсутствии необходимой системы формальных институтов, способных обеспечить низкие транзакционные издержки развития таких проектов, сократить неопределенность и риски их реализации. Другими словами, речь идет о неадекватном выполнении государством функции предоставления общественных благ и услуг в форме институционализации эффективных ГЧП-проектов в сфере развития общественной инфраструктуры.

А между тем партнерство между государством и частным бизнесом устраняет важнейшую причину социального кризиса, поскольку реализация ГЧП-проектов строится на совпадении интересов партнеров, их предпочтений и ценностей. В этом контексте

эксперты БКГ выделяют три приоритета, которые должны учитываться всеми национальными правительствами, которые стремятся обеспечить ГЧП адекватными формальными институтами (рис. 5). Институционализация ГЧП-проектов в общественно значимых сферах, помимо конкретной демонстрации положительного эффекта для граждан, способна продемонстрировать частному бизнесу, что при адекватной корпоративной ответственности именно от него будет зависеть устойчивость инвестиционного проекта. И это в немалой степени будет обусловлено растущей уверенностью частных партнеров в прямой зависимости экономических показателей ГЧП-проектов от финансовой дисциплины и ответственности партнеров. Такое согласование финансов с корпоративной ответственностью вносит значительный вклад в восстановление целостности общества в связи с усилением требований к охране окружающей среды, к условиям дистанционной работы и с новыми нормами управления фирмами. По сути, институционализация государством норм повышения корпоративной ответственности влечет за собой максимизацию интересов компаний, поскольку в рамках партнерства с государством государственный и частный инвесторы гарантируют, что они не будут наносить себе вред, подрывая собственную среду функционирования.

1	2	3
Усиленная проработка существующих и новых путей роста	Создание и укрепление возможностей будущего	Развитие экономической и социальной устойчивости
■ Развитие основ конкурентоспособности через «цифру», инновации и предпринимательство ■ Использование открывающихся экономических возможностей ■ Продвижение устойчивой трансформации «зелеными» программами стимулирования	■ Люди: развитие человеческого капитала ■ Компании: повышение производительности ■ Правительства: переосмысление работы органов власти	■ «Закладка» устойчивости в экономическую «ткань» ■ Использование окна возможностей для назревших реформ: усиление социальной устойчивости

Рис. 5.

Основные приоритеты институционального обеспечения государством ГЧП-проектов с целью ликвидации последствий социетального кризиса, вызванного пандемией COVID-19¹

¹ Boston Consulting Group analysis.

Итак, адекватная институционализация государством организационных форм реализации ГЧП-проектов позволяет расширять сферу совпадения приоритетов фирм, включая занятых на них работников, общества и государства. Это минимизирует негативные последствия социетального кризиса. В основе корпоративной ответственности лежат индивидуальные ценности и действия, совместимые с интересами общества. Другими словами, это означает «делать добро, делая добро» (doing well by doing good) в рамках существующей политики борьбы с социальным кризисом, вызванным шоком COVID-19 (рис. 6).

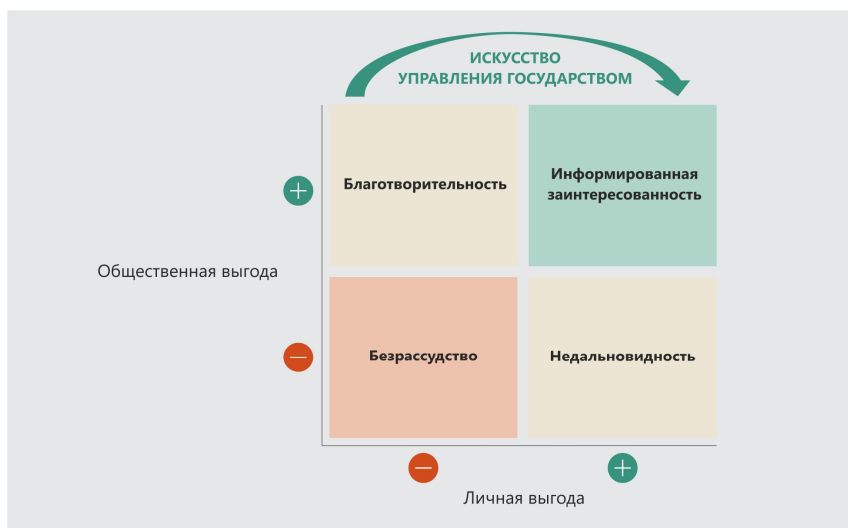

Рис. 6.

Разрешение социетального кризиса путем институционализации совпадающих интересов частного бизнеса и государства в процессе организации ГЧП-проектов¹

Получается, что глобальный кризис, вызванный COVID-19, сконцентрировал внимание на проблемах структурного характера,

¹ Beyond the Curve. How to Restart in the Wake of COVID-19 / A. Brimmer, V. Chin, P. Hayden, T. Thomas, A. Türpitz, Y. Zhou / The Boston Consulting Group's Henderson Institute. – 2020. – Mode of access: <https://www.bcg.com/publications/2020/restarting-the-economy-post-covid-19> (accessed: 3.03.2021).

выходящих далеко за рамки политики государства. Многие из этих вопросов возникли задолго до пандемии коронавируса. Однако последний поставил национальные сообщества перед необходимостью строить постковидное будущее на новейшей технологической базе, с более широкими экономическими возможностями и на иных принципах консолидации общества. И в процессе конструирования социально-экономической реальности будущего ГЧП могло бы очень пригодиться (*fit for purpose*), поскольку объективно содержит в себе в качестве приоритетной социальную норму «сначала люди» (*people first*).

Результаты и обсуждение

Таким образом, окончание кризиса и посткоронавирусное восстановление экономики выгодно всем. Но для того чтобы это произошло, необходимо восстановить единство социума и использовать для этой цели платформу ГЧП в качестве адекватной организационной структуры, объединяющей интересы субъектов, компаний и общества в лице государства [Пранов, Рассохина, 2019]. Причем ГЧП не только консолидирует общество, но и решит серьезные финансовые проблемы в связи с растущими бюджетными ограничениями национальных правительств. Именно ГЧП позволит расширить возможности партнерства, используя множественные организационные формы согласования государственных и корпоративных интересов при совместном смешанном финансировании общественно значимых ГЧП-проектов в сфере здравоохранения, инфраструктурных объектов и изменения климата с упором на «зеленую» энергетику¹. Однако политики должны при этом понимать, что инвестировать в посткоронавирусное будущее – это непростая задача, поскольку это предполагает восстановление единства социума и учет приоритета индивидуальных интересов при реализации любых ГЧП-проектов². Автор предлагает экспе-

¹ What is the COVID-19 crisis impact on public-private partnerships // Public Financial Management Blog of IMF. – 2020. – April 30. – P. 1–5. – Mode of access: <https://blog-pfm.imf.org/pfmblog/2020/04/-what-is-the-covid-19-crisis-impact-on-public-private-partnerships-.html> (accessed: 02.12.2020).

² Gaspar V., Lam R., Raissi M. Fiscal policies for the recovery from COVID-19 // IMFBlog. – 2020. – May 6. – P. 1–7. – Mode of access:

риментальную модель институциональной матрицы, которая позволяет партнерам выбрать адекватную форму организации ГЧП при реализации социально значимых проектов, способных участвовать в конструировании посткоронавирусной реальности. Авторский подход строится на теоретических характеристиках организационных форм ГЧП и выделяет три их базовые формы: квазирыночную, иерархическую и гибридную [Ваславский, Ваславская, 2019]. Причем каждая из базовых форм организации ГЧП потенциально содержит в себе многочисленные их субварианты, которые можно достаточно легко моделировать, выделяя самые важные для партнеров параметры ГЧП-проекта.

Автор намеренно ограничил организационные формы ГЧП тремя базовыми. Чтобы упростить предлагаемую модель, используется конструкция квадратной институциональной матрицы, которая содержит 3 столбца и 3 строки. Пусть матрица A представляет интересы частного партнера, который выбирает форму организации ГЧП для реализации проекта с общественным благом. Каждый элемент строки матрицы A выражает предпочтения частного инвестора в отношении конкретной формы организации ГЧП. Окончательные предпочтения частного партнера будут выражаться символом a_{ij} , а их модификации – в виде квазирынка, или иерархии, или гибридной формы – будут варьироваться от 1 до 2 и 3 в зависимости от транзакционных издержек по строкам (индекс i , $i = 1, 2, 3$) и приоритетов в контексте делегирования прав собственности по столбцам (индекс j , $j = 1, 2, 3$). В результате элементы строки с номером i могут быть представлены как (a_{i1}, a_{i2}, a_{i3}) , а элементы столбцов с номером j – (a_{1j}, a_{2j}, a_{3j}) . Ниже приводится матрица A с предпочтениями частного партнера в отношении выбора форм организации ГЧП (1)

$$A = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & a_{13} \\ a_{21} & a_{22} & a_{23} \\ a_{31} & a_{32} & a_{33} \end{pmatrix} \quad (1)$$

Рассуждая подобным же образом, автор конструирует матрицу B (2), учитывая интересы государства относительно прием-

лемых для него форм организации ГЧП и обозначает их символом b_{ij} , а их модификации – в виде квазирынка, или иерархии, или гибридной формы – будут варьироваться от 1 до 2 и 3 в зависимости от транзакционных издержек по строкам (индекс i , $i = 1, 2, 3$) и приоритетов в контексте делегирования прав собственности по столбцам (индекс j , $j = 1, 2, 3$).

Соответствующим образом строки матрицы B обозначаются как b_{i1} , b_{i2} , b_{i3} , столбцы – как b_{1j} , b_{2j} , b_{3j} .

$$B = \begin{pmatrix} b_{11} & b_{12} & b_{13} \\ b_{21} & b_{22} & b_{23} \\ b_{31} & b_{32} & b_{33} \end{pmatrix} \quad (2)$$

Окончательная «институциональная матрица» C (3) представляет собой такую форму организации ГЧП, для которой интересы и государства, и частного партнера совпадают. Для упрощенного представления матрицы A и B перемножаются, тогда строки и столбцы результирующей «институциональной матрицы» C (3) приводятся ниже:

$$C = \begin{pmatrix} a_{11} & a_{12} & a_{13} \\ a_{21} & a_{22} & a_{23} \\ a_{31} & a_{32} & a_{33} \end{pmatrix} \times \begin{pmatrix} b_{11} & b_{12} & b_{13} \\ b_{21} & b_{22} & b_{23} \\ b_{31} & b_{32} & b_{33} \end{pmatrix} \quad (3)$$

В итоге ниже приводятся строки и столбцы окончательной «институциональной матрицы» C (4):

$$C = \begin{pmatrix} c_{11} & c_{12} & c_{13} \\ c_{21} & c_{22} & c_{23} \\ c_{31} & c_{32} & c_{33} \end{pmatrix}, \quad (4)$$

где

$$c_{ij} = a_{i1}b_{1j} + a_{i2}b_{2j} + a_{i3}b_{3j} \quad (5)$$

Таким образом, «институциональная матрица» (4) представляет собой набор альтернативных форм организации ГЧП из трех их базовых опций (или квазирынка, или иерархии, или гибридной

формы), в выборе которых предпочтения партнеров по ГЧП – государства и частного инвестора – совпадают. Такова логика конструирования, которая может быть применена к любой институциональной матрице и описывает ту или иную форму ГЧП при условии определенного содержательного заполнения ячеек «институциональной матрицы».

Заключение

Пандемия коронавируса разделила мировое развитие на «до» и «после». Ее последствием стало осознание и политиками, и практиками того очевидного факта, что в начале 2020 г. планета оказалась в абсолютно новой для всех социально-экономических и политических систем реальности. Причем опыта борьбы с такой разрушительной пандемией ни у одной из современных общностей не было, как не было и практики купирования ее последствий в период глубочайшего посткоронавирусного кризиса. Именно поэтому каждая страна генерировала на собственном опыте проб и ошибок реализацию антикризисных мер борьбы с COVID-19 и последствиями разразившегося кризиса.

Разрушения, нанесенные пандемией, беспрецедентные и с точки зрения человеческих жизней, и с позиций экономических потерь стран и глобального ВВП. При любом временном горизонте пандемии COVID-19 все глобальное сообщество отброшено назад в развитии и перенесено в новую посткоронавирусную реальность. Она требует теоретического осмысления, поскольку коронавирус продемонстрировал остановку экономико-центристских систем, а будущее нового мира сделал абсолютно неопределенным.

В связи с этим государству принадлежит особая роль в обеспечении функционирования всей социально-экономической системы формальными институтами. Именно оно дифференцирует экономических агентов-налогоплательщиков по группам, специфицирует права собственности для каждой из них с целью максимизации налоговых доходов в бюджет государства. Таков один из механизмов агрегирования индивидуальных предпочтений (ценностей) экономических агентов для целей их институционализации в форме общественного выбора. Однако эта модель дала сбой в условиях пандемии коронавируса, поскольку агрегированный госу-

дарством общественный выбор в части развития национальной системы здравоохранения показал неспособность быстро купировать инфекцию, угрожающую жизни граждан.

В итоге государство выступает главной стороной, которой предъявляются претензии в связи с неадекватным агрегированием индивидуальных ценностей в национальных обществах, что поставило под угрозу не только жизни людей, но и само существование экономико-центристской национальной системы. Пандемия стала разрушать эту систему с вводом чрезвычайных мер социальной изоляции и экономического локдауна.

При этом посткоронавирусная реальность будет выстраиваться в процессе выбора национальными сообществами и государством адекватных формальных институтов, способных возродить бизнес-среду для экономических агентов, сократить хозяйственные риски и создать стимулы для капиталовложений частного бизнеса и стимулы для активной жизнедеятельности граждан, которые были вырваны из социума в условиях борьбы с коронавирусом. При условии быстрого выхода из посткоронавирусной рецессии граждане смогут рассчитывать на восстановление их материального благосостояния, социального статуса. Но это произойдет, если государство устранил искажения в понимании общественного выбора и восстановит в качестве его основы общечеловеческие ценности, осознает новые механизмы структурирования социальной реальности за счет участия в этом процессе всех заинтересованных участников национального сообщества. В связи с этим и все политические решения государства будут рассматриваться в качестве эффективных только при условии их ориентации в первую очередь на индивидуальные предпочтения граждан, на общечеловеческие ценности. В результате достижения социального консенсуса можно получить весомый макроэкономический эффект.

В этом контексте новые аспекты институционализированного партнерства в форме ГЧП могут использоваться в качестве механизма структурирования будущей социальной реальности на национальном уровне, формирования новой национальной модели общественного выбора и тестирования роли государства с учетом вызовов посткризисного глобального мира. По оценкам американского Института экономической политики (Economic Policy Institute), каждые 100 млрд долларов расходов на инфраструктурные ГЧП-проекты приводят к созданию примерно 1 млн рабочих мест

(с полной занятостью), а каждый доллар, вложенный в транспортную инфраструктуру, вносит дополнительный вклад в экономический рост страны на уровне \$1,5–2 доллара за счет развития торговли, активизации бизнес-процессов в регионах страны и повышения мобильности населения¹. При этом рост реализованных общественно значимых ГЧП-проектов будет внешне демонстрировать профессиональный уровень государства и свидетельствовать о нацеленности на решение проблем простых граждан. И наоборот: отсутствие или низкие темпы вовлечения частных инвесторов в совместные с государством проекты будут свидетельствовать об отсутствии соответствующих экспертных навыков у государства (его агентов, представителей) и о неадекватной институционализации ГЧП. В целом речь идет о способности государства консолидировать общество. А это имеет непреходящее значение, поскольку является фундаментальным условием восстановления социальной целостности в посткоронавирусной реальности. Причем последнее достигается при условии изменения акцентов в организации ГЧП-проектов. До COVID-19 типичной характеристикой для них был патернализм государства во всем, поскольку финансовое обеспечение социально значимых проектов полностью или в значительной части осуществлялось за счет бюджетных средств. Следовательно, роль частных инвесторов сводилась, скорее, к роли младшего по значимости партнера. В этих условиях государство стремилось пренебречь ценностными ориентирами партнеров как малозначимыми, что во многом объясняет рост финансовых рисков для частных партнеров ГЧП-проектов и значительное превышение первоначальных проектных смет.

В условиях пандемии коронавируса государство вынуждено перестроиться на адекватную институционализацию приоритетов частных партнеров посредством профессионального использования потенциала формальных институтов. Акцент в процессах формализации ГЧП-проектов должен быть перенесен с механизма наказания на спецификацию общественно приемлемых норм поведения. Другими словами, разрешение социального кризиса

¹ Инвестиции в инфраструктуру: рынок проектов в кризис. Аналитический обзор // InfraOne Research. – 2020. – Июнь. – Режим доступа: https://infraone.ru/sites/default/files/analitika/2020/gynok_proektov_v_krizis_infraone_research.pdf (дата посещения: 02.12.2020).

должно начинаться с изменения функций самого государства, т.е. их переключения с фискальных приоритетов на ценностные, связанные с предпочтениями, например частного бизнеса как партнера по ГЧП-проектам.

Список литературы

- Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство как антикризисная мера // Институты и механизмы государственного регулирования экономики : сборник. – М. : ИЭ РАН, 2012. – С. 23–34.
- Ваславский Я.И., Ваславская И.Ю. Государственно-частное партнерство: институциональный подход. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 412 с.
- Заостровцев А.П. История по Асемоглу – Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // Общественные науки и современность. – 2014. – № 3. – С. 32–43.
- Зедина Ю.А. Партнерство государства и бизнеса в сфере производства и реализации общественных благ // Федерализм. – 2014. – № 4. – С. 85–94.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
- Нуреев Р.М. Теория общественного выбора : курс лекций. – М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. – 530 с.
- Пранов В.М., Рассохина Т.В. Методологические подходы к адаптации глобальных индикаторов достижения целей устойчивого развития Российской Федерации // Modern economy success. – 2019. – № 1. – Р. 146–152.
- Радыгин А.Д., Симачев Ю.В., Энтов Р.М. Государственная компания: сфера проявления «провалов государства» или «провалов рынка»? // Вопросы экономики. – 2015. – № 1. – С. 45–79.
- Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2004. – 204 с.
- Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail. The origins of power, prosperity and poverty. – New York : Crown Publishers, 2012. – 544 p.
- Alchian A.A. Specificity, specialization, and coalitions // Journal of institutional and theoretical economics. – 1984. – Vol. 140, N 1. – P. 34–49.
- Arrow K.J. Political and economic evaluation of social effects and externalities // The analysis of public output / Ed. by J. Margolis. – New York : Columbia University Press, 1970. – P. 1–30.
- Musgrave R. The role of the state in the fiscal theory // Public Finance in a Changing World / P.B. Sorensen (ed.). – L. : Macmillan, 1988. – P. 247–258.
- North D.C. Structure and change in economic history. – N.Y. : W.W. Norton & Co., 1982. – 240 p.
- Well spent: how strong infrastructure governance can end waste in public investment / G. Schwartz, M. Fouad, T. Hansen, G. Verdier (eds). – Washington, DC : International monetary fund, 2020. – 756 p.

- Tanzi V.* Government versus markets: the changing economic role of the state. – Cambridge : Syndicate of the press of the university of Cambridge, 2011. – 390 p.
- Vaslavskaya I.Y.* Public-private partnership and financing the development of national infrastructure: safeguarding public finance sustainability // Social, economic, and environmental impacts between sustainable financial systems and financial markets / M. Ziolo (ed). – Hershey, PA : IGI global, 2020. – P. 261–288.
- Vaslavskiy Y., Vaslavskaya I.* Infrastructure public-private partnership projects: budget consolidation policy in Russia and government expenditures' efficiency increase // Modeling economic growth in contemporary Russia / B.S. Sergi (ed). – L. : Emerald publishing, 2019. – P. 199–228.
- Vaslavskiy Y.* Aggregation of public choice in Russia: national projects' potential // The 1 st International Conference on Business Technology for a Sustainable Environmental System (BTSES-2020). E3 S Web of Conferences. Chapter 5: Sustainable Cities and Communities. – 2020. – Vol. 159. – P. 05007. – DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015905007>
- Ziolo M.* Social, economic, and environmental impacts between sustainable financial systems and financial markets. – Hershey, PA : IGI global, 2020. – 383 p.

YA. I. Vaslavskiy*

**State and the public choice:
the framework of post-coronavirus reality**

Abstract. The coronavirus pandemic has exposed fundamental problems in the functioning of national societies, which require intensive scientific research. COVID-19 predetermined the growing importance of political and economic approaches to the interpretation of basic principles of the functioning of future post-coronavirus reality. The societal crisis, which has been a consequence of the ineffectiveness of the state in preventing extreme threats to the life and health of citizens such as COVID-19, has actualized the “new normal” problem, which is being actively discussed by experts from international research and practical organizations. The post-coronavirus reality will begin to form after the COVID-19 pandemic and will be based on different principles. The author interprets it in the context of restoring the societal integrity of national communities under the following conditions: (1) reorientation of formal institutions at the state's disposal towards the priority of human-centred principles in order to restore public consensus, trust in the government and its policies; (2) aggregation of public choice, taking into account, first of all, the preferences and values of households (ordinary citizens), which will minimize its distortion in the future; (3) raising the state's expert functions on the example of adequate institutionalization of conditions for eliminating the negative consequences of the societal crisis. The author stresses the importance of rethinking the phenomenon of partnership between the state and private busi-

* **Vaslavskiy Yan**, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia), e-mail: vaslavsky@yandex.ru

ness as a means of improving the quality of the state's aggregation of public choice, assessing the effectiveness of alternative options for the institutional structure of the new reality, adjusting the functions of the state in relation to a society with universal values at its core, taking into account the realities of the post-coronavirus world. To test the obtained results, the author offers a model of an "institutional matrix" that can be used to institutionalize a mutually-beneficial partnership between the state and private business in order to minimize the uncertainty of post-coronavirus reality ("new normal").

Keywords: post-COVID-19 future; formal institutions; COVID-19 crisis; aggregation of public choice; public-private partnership; infrastructure projects.

For citation: Vaslavskiy Y.I. State and the public choice: The framework of post-coronavirus reality. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 42–72. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.02>

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. *Why nations fail. The origins of power, prosperity and poverty*. New York : Crown Publishers, 2012, 544 p.
- Alchian A.A. Specificity, specialization, and coalitions. *Journal of institutional and theoretical economics*. 1984, Vol. 140, N 1, P. 34–49.
- Arrow K.J. Political and economic evaluation of social effects and externalities. In: Margolis J. (ed.) *The analysis of public output*. New York : Columbia university press, 1970. Pp. 1–30.
- Arrow K.J. *Collective choice and individual values*. Moscow : SU-HSE Publishing House, 2004, 204 p.
- Musgrave R. The role of the state in the fiscal theory. In: Sorensen P.B. (ed). *Public finance in a changing world*. London : Macmillan, 1988, P. 247–258.
- North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow : "Nachala", 1997, 180 p. (In Russ.)
- North D.C. *Structure and change in economic history*. New York : W.W. Norton & Co., 1982, 240 p.
- Nureev R.M. *Theory of public choice. Course of lectures*. Moscow : SU-HSE Publishing House, 2005, 530 p. (In Russ.)
- Pranov V.M., Rassokhina T.V. Methodological approaches to the adaptation of the system of global indicators of achieving the goals in the field of sustainable development in the Russian federation. *Modern economy success*. 2019, N 1, P. 146–152. (In Russ.)
- Radygin A.D., Simachev Y.V., Entov R.M. State-owned company: detection zone of government failure or market failure? *Voprosy ekonomiki*. 2015, N 1, P. 45–79. (In Russ.)
- Schwartz G., Fouad M., Hansen T., Verdier G. (eds). *Well spent: how strong infrastructure governance can end waste in public investment*. Washington, DC : International monetary fund, 2020, 756 p.
- Tanzi V. *Government versus markets: the changing economic role of the state*. Cambridge : Syndicate of the press of the university of Cambridge, 2011, 390 p.

- Varnavskiy V.G. Public-private partnership as an anti-crisis measure. In: *Institutions and mechanisms of state regulation of economy*. Moscow : IE RAS, 2012, P. 23–34. (In Russ.)
- Vaslavskaya I.Y. Public-Private Partnership and Financing the Development of National Infrastructure: Safeguarding Public Finance Sustainability. In: Ziolo M. (ed). *Social, economic, and environmental impacts between sustainable financial systems and financial markets*. Hershey, PA : IGI global, 2020, P. 261–288.
- Vaslavskiy Y., Vaslavskaya I. Infrastructure public-private partnership projects: budget consolidation policy in Russia and government expenditures' efficiency increase. In: Sergi B.S. (ed). *Modeling economic growth in contemporary Russia*. London : Emerald Publishing, 2019, P. 199–228.
- Vaslavskiy Y.I., Vaslavskaya I.Y. *Public-private partnership: institutional approach*. Moscow : Aspekt Press, 2019, 412 p. (In Russ.)
- Vaslavskiy Y. Aggregation of public choice in Russia: national projects' potential. In: *The 1 st International Conference on Business Technology for a Sustainable Environmental System* (BTSES-2020). E3 S Web of Conferences. Chapter 5: Sustainable Cities and Communities. 2020, Vol. 159, P. 05007. DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202015905007>
- Zaostrovtssev A.P. A story by Acemoglu-Robinson: Institutions, development and limits to authoritarian growth. *Social Sciences and Modernity*. 2014, N 3, Pp. 32–43. (In Russ.)
- Zedina Y.A. The public-private partnership in the sphere of production and sales of public goods. *Federalism*. 2014, N 4, P. 85–94. (In Russ.)
- Ziolo M. *Social, economic, and environmental impacts between sustainable financial systems and financial markets*. Hershey, PA : IGI global, 2020, 383 p.